

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б 44

Обложка *Олега Юдина*

Белянин, Андрей.
Б 44 Цепные псы Империи : роман / Андрей Белянин. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с. — (Цепные псы Империи).

ISBN 978-5-17-087596-2

Потомственный дворянин, молодой граф Строгов возвращается из Англии согласно воле умирающего отца и узнает о том, что принадлежит тайному ордену, который защищает Россию.

Андрей Белянин — автор 35 книг, вышедших суммарным тиражом свыше 5 млн экз. В 2013 г. получил премию «Фантаст года» как самый тиражный автор этого года.

Книга выходит в авторской редакции.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© ИП «Карповский
Дмитрий Евгеньевич», 2015
ISBN 978-5-17-087596-2 © ООО «Издательство АСТ», 2015

«...Это было в июне, в самом начале лета, когда в золотистом воздухе разливалось мягкое, бодрящее тепло. Еще не наступила жара, но долгие дожди остались в мае, а старый Петергофский парк под Санкт-Петербургом все так же принимал в свои пенаты высоких гостей.

Стояла замечательно-солнечная погода, белые облачка кружили над горизонтом, уходя вдаль по Финскому заливу, и струи золотых скульптурных фонтанов искрились тысячами влажных бриллиантов. Свежая зелень листьев манила прохладой, а изумрудные кроны сосен и елей дарили тот самый изумительный северный воздух, что счита-

ется столь полезным для дыхания и даже лечит легкие.

По чисто выметенной аллее, ведущей к морю, неспешным шагом шествовал наш государь Александр Второй. Его благородное лицо было усталым, а плечи чуть сутулились, словно под непосильным гнетом забот о бескрайней Российской империи. Многие говорили, что в последнее время он все больше и больше отдаляется от семьи. Кто знает? Кто смеет лезть к нему с вопросами...

Возможно, государь действительно ищет отдушину в политике, впрягаясь во все дела и делая страну ведущей европейской державой. Небольшая свита приближенных офицеров и чиновников следовала чуть позади. Они не видели меня и не знали, чем я тут занимаюсь. Это было лишь мое дело, и посвящать в него кого-либо было не просто лишним, но даже опасным...

Кусты боярышника надежно укрывали меня от посторонних глаз. И пусть отсюда не слышно, о чем говорят в свите царя, но это и не было важно на данный момент. Охота на человека диктует свои правила.

Главное, что я первый заметил его. Невысокого, широкоплечего мужчину, в черных одеждах, темный шелковой платок закрывал половину лица. Его выдал блеск стекла медной подзорной трубы, через которую он наблюдал за прогулкой господаря. Сначала я не поверил, что этот человек один, обычно наемные убийцы работают в паре. Странно...

Минутой спустя прячущийся в кустах незнакомец осторожно поднял почти скрытое листьями длинное ружье. Времени на дальнейшие размышления у меня больше не было, теперь все зависело только от скорости бега.

Он успел взять прицел, я почти физически чувствовал, как мушка выравнивается на одну линию с гордой головой господаря и указательный палец человека в черном готовится спустить курок...

Я успел добежать. Мой тяжелый охотничий кинжал, едва слышно просвистев в воздухе, вошел в его спину почти по рукоятку. Меня научили бросать ножи в Средней Азии, это была жесткая ежедневная тренировка, но результат того стоил. За десять шагов от меня неизвестный вздрогнул всем телом,

выгнулся, выронил ружье и попытался обернуться. Его глаза были полны ярости и невысказанной боли.

Словно тень от соседнего дерева, безмолвно и легко я бросился на убийцу, зажав ему рот. Стрелок умер у меня на руках, лезвие кинжала ушло под лопатку, пронзив легкое. Криков или хрипа можно было больше не опасаться, на губах неизвестного пузырилась красная пена. Я осторожно и очень тихо опустил его тело на землю. Все.

Одним рывком вытащив кинжал, я опустился на одно колено и вытер клинок платком. Потом быстро осмотрелся по сторонам, выглянув из-за кустов, чтобы убедиться, что нас никто не заметил. Меньше всего мне сейчас были нужны свидетели, расспросы, выяснения, да и вообще любая шумиха.

Охота прошла удачно, наш самодержец с генералами и чиновниками спокойно продолжал свою прогулку, слава богу, ни он, ни его свита ничего не услышали...

Напоследок я перевернул труп человека в черном, обыскал его, достал из внутреннего кармана смятые британ-

ские фунты и небольшую фотографию — групповой портрет участников парада лейб-гвардии Императорского кавалергардского полка, среди них и молодой царь Александр. Голова государя обведена красными чернилами. Больше ничего нет, никаких бумаг, писем или документов. Это плохо.

Невольно кусая губы от досады, я прекрасно понимал, что никакой наемный убийца не мог пробраться в Петергоф просто так. Здесь всегда хватало охраны, на всех входах-выходах стояли гвардейцы, а значит, кто-то весьма влиятельный провел неизвестного в парк, указал маршрут прогулки императора и обеспечил оружием. А из этого следовало, что к заговору причастны очень сильные люди...

Я забрал всё, что счел нужным, и молча ушел. Охотничий кинжал вернулся в ножны. На запястье правой руки подсохла пара капель крови наемника, хорошо еще на браслет она не попала, это было бы плохой приметой.

Лишний раз протерев тяжелую серебряную цепь с головой собаки, я прикрыл ее манжетой рукава простого пехотно-

го мундира и направился к морю, там меня ждала шлюпка и два матроса нашего ордена. На их руках также красовались браслеты Цепных Псов...»

(Из записных книжек капитана Николая Строгова)

...Когда долгими зимними вечерами у меня появляется немного свободного времени, я ставлю перед собой пожелтевший карандашный рисунок с портретом отца и раскрываю старые тетради своих архивов. Седая память возвращает меня в далекие времена моей юности, я перелистываю страницы, как дни и годы. Мне многое удалось успеть, многое увидеть, а некоторые исторические события, которые перевернули современный мир, могли и вообще не произойти без моего посильного участия...

Я давным-давно веду двойную, а то и тройную жизнь. Увы, это не мое желание или привычка, это моя обязанность, данность, связанная с банальным инстинктом самосохранения. Попробую объяснить, если вам интересно. Итак...

Для всех я — тихий русский помещик, отец трех сыновей и очаровательной доч-

ки, любящий муж, путешественник, скромный коллекционер старинных азиатских монет. Таким меня знает моя семья, мои друзья и близкие, таков я для мира. И лишь немногим избранным известно мое настоящее лицо, мое призвание, мой долг и моя служба. Я — Цепной Пес империи...

Мое посвящение в ряды этого тайного ордена произошло в самом начале осени 18... года. Более точных цифр и дат назвать не имею права. В те дни наша родина Россия стояла на рубеже эпох, ее города стремительно набирали мощь, промышленность росла, страна проводила земельные реформы, осваивала Север и усиливала свое влияние в мире. А победоносные войны и общий расцвет самосознания русского народа под мудрым правлением Александра Второго, прозванного царем-освободителем, объединяли и возвышали душу всей нации!

С балканского фронта победоносно возвращались усталые русские войска, своими штыками скинувшие с братской Болгарии более чем вековое турецкое иго. Страна ликовала, народ встречал своих героев цветами, и прогрессивная обще-

ственность ждала новых перемен. Образование становилось доступным для всех слоев населения, наша армия была самой боеспособной в Европе, и восточные ханства, защищенные пустынями, включая неприступную Хиву, склонились в покорности нам, памятуя прошлые походы генерала Скобелева!

Ныне даже самые упрямые критики идеи монархизма не могли не признать заслуг русского царя, и от Берлина до Лондона, от Парижа до Вены, от Белграда до Стамбула рос авторитет Российской империи. Мы уверенно проводили свою политику, с нами считались, держава умела настоять на своем и дипломатически, и военной силой. К сожалению, именно это вызывало порой нездоровую зависть определенных лиц и даже стран...

Моя история начинается задолго до этих событий. Собственно, тогда я еще и не был ее участником. Тогда я был просто ребенком, наслаждался безоблачным детством в родительском поместье под Санкт-Петербургом и ничего не знал о Цепных Псах, но судьбе было угодно распорядиться мной иначе...

Лондон, лето 18...

...Мне хорошо помнится июль того года. В Британии выдалось на редкость засушливое лето. Лондон умирал от перегрева, силуэт старины Биг-Бена казался сделанным из речного песка, жара раскалила лондонский мост так, что к его перилам нельзя было прикоснуться. На стенах Тауэра, повесив клюв, сидели измученные черные вороны, не находя сил даже на хриплое карканье.

Кебмены старались не выезжать без лишней нужды, потому что лошади падали в обморок, не выдерживая солнечного удара. Рабочие задыхались на фабриках, богатая лондонская публика семьями съезжала на морское побережье.

Так что днем столица Великобритании погружалась в неровный и горячечный сон, слегка оживая лишь к пятичасовому чаю. Зной убивал всё: желания, трудолюбие, служебный долг; человеческий муравейник одного из величайших городов мира стихал и прятался от жары. Все ждали заката...

Даже корабли, швартующиеся у пристани, старались приходить к вечеру, а разгружаться ночью. Портовые райо-

ны доков жили своей жизнью: торговцы, полицейские, моряки, нищие, приезжие, иностранцы и простые англичане каждый вечер набивались во все близлежащие кабаки. Звуки волынки и скрипки, дешевые певички, плеск дешевого черного пиво, звон посуды, а зачастую и короткие потасовки не стихали здесь почти до самого утра.

Почему Сэмюэль пригласил нас с Иеремией именно сюда, в «Зеленую русалку», дешевый и богом забытый ирландский паб, я тогда не знал. Однако вот здесь все и началось, фактически отсюда пойдет наше повествование...

Наверное, мне все-таки стоит рассказывать по порядку. Для начала хотя бы позвольте представиться. Майкл Строгофф. В смысле, Михаил, Миша. Я русский. Англия стала моей второй родиной, а Оксфордский колледж — домом. Многолетнее пребывание на английской земле сделало из меня настоящего британца.

Я полюбил их эль, их ростбифы, их овсянку, их джин, их бокс, их литературу, хотя где-то в глубине души все еще прятался маленький червячок сомнений.

Несмотря на то что я покинул Россию в возрасте восьми лет, я прекрасно помнил, что мой отец мало читал и никогда не пил ничего, кроме воды и чая. Он вообще был человеком строгих правил. Причем строже всего относился именно к себе.

Был — это не в смысле умер, просто сейчас мне двадцать три, и с тех пор, как я еще мальчиком уехал за границу, мы больше ни разу не встречались. Правильнее сказать, он просто выдворил меня из дома, как щенка, посадив на борт парохода и отправив в чужую страну без малейших объяснений. Простите, это личное. Не могу и не хочу об этом говорить...

Отец регулярно присылал мне деньги на житье и образование, впрочем, весьма небольшие, так что самостоятельно зарабатывать я начал уже в четырнадцать. Благо языкам меня учили еще дома, потому учеба в Оксфорде давалась мне легко и оставляла достаточно свободного времени. Я нашел себе самую простую работу, до которой мог додуматься крепкий четырнадцатилетний парнишка, —